

И.С. Савицкая

**ДИПЛОМАТ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЛУДОВ:
союз государственной службы
и поэтической музыки**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Ирина Савицкая

**Дипломат императора Александра
I Дмитрий Николаевич
Блудов: союз государственной
службы и поэтической музы**

«Прометей»

2019

УДК 94(47).072

ББК 63.3(2)52

Савицкая И. С.

Дипломат императора Александра I Дмитрий Николаевич
Блулов: союз государственной службы и поэтической музыки /
И. С. Савицкая — «Прометей», 2019

ISBN 978-5-907166-13-4

Книга посвящена видному государственному деятелю трех царствований: Александра I, Николая I и Александра II – Дмитрию Николаевичу Блулову (1785–1864). В ней рассмотрен наименее известный период его службы – дипломатический, который пришелся на эпоху наполеоновских войн с Россией; показано значение, которое придавал Александр I русскому языку в дипломатических документах, и выполнение Блуловым поручений, данных ему императором. В истории внешних отношений России Блулов оставил свой след. Один из «архивных юношей», представитель «золотой» московской молодежи 1800-х гг., дипломат и арзамасец Блулов, пройдя школу дипломатической службы, пришел к убеждению в необходимости реформирования системы национального образования России как основного средства развития страны. На примере Блулова показаны истоки формирования феномена «просвещенной бюрократии» и процесс ее профессионализации. Книга основана на источниках, в том числе и неопубликованных. Она представляет интерес для всех, интересующихся отечественной историей, русской дипломатией и литературой. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(47).072

ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-907166-13-4

© Савицкая И. С., 2019

© Прометей, 2019

Содержание

Введение	7
Глава 1	20
§ 1. Род, семья и воспитание Д. И. Блудова. Его возмужание	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Савицкая
Дипломат императора Александра
I Дмитрий Николаевич
Блудов: союз государственной
службы и поэтической музыки

*Моему учителю Введенскому Ростиславу Михайловичу
посвящается...*

Рецензенты:

Захаров В. Ю., доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России МГПУ;
Химич Т. М., кандидат исторических наук, доцент МГУПС (МИИТ).

Введение

Исторический опыт государственной и общественной деятельности российской элиты, понимание ею задач, стоявших перед Россией на каждом переломном этапе существования страны, сегодня особенно интересны. Судьбы современной российской государственности во многом зависят от наличия просвещенных и компетентных чиновников и их менталитета. Изучение истоков формирования «просвещенной бюрократии», процесса ее профессионализации и обретения опыта государственной службы, безусловно, является полезным и в наши дни.

Обращение к микроанализу на уровне изучения конкретной личности помогает понять происхождение отечественной «просвещенной бюрократии», исследовать исторические и социальные корни ее появления. Становление личности выдающегося отечественного государственного деятеля Дмитрия Николаевича Блудова (1785–1864) шло в условиях эскалации военных и дипломатических действий Наполеона против России. Оно началось в семье, продолжилось во время его дипломатической карьеры. Отметим, что практически нет исследований о Д. Н. Блудове – дипломате.

Личность Блудова интересна во многих отношениях, и прежде всего тем, что он был востребован государственной властью для решения государственных задач в период наполеоновских войн. Дмитрий Николаевич обладал несомненными способностями и участвовал в формировании кадровой основы дипломатии, пригодной к решению главной задачи, стоявшей перед страной – обеспечения ее независимости. Пройдя путь от «архивного юноши» Московского главного архива Коллегии иностранных дел до дипломата и переводчика, выполнявшего ответственные поручения императора Александра I, арзамасец Блудов приобрел обширные знания о состоянии дел в Западной Европе. Накопленный им опыт и полученная государственная выучка, а также ответственное отношение Блудова к службе является примером достойной самореализации жизненных стратегий «просвещенной бюрократии».

В исторической литературе обычно игнорируется или освещается недостаточно период службы Блудова при императоре Александре I (1801–1825). Богаче научная традиция изучения жизни Блудова в эпоху следующего царствования – императора Николая I (1825–1855). Применительно к николаевскому царствованию в литературе рассматривают Дмитрия Николаевича в качестве «просвещенного («либерального») бюрократа», и пишут о нем, как о «новом типе российского чиновника»¹. Такой интерес историков к службе Блудова императору Николаю I правомерен. В то время чиновник занимал ключевые государственные посты: министра юстиции (1830–1831, 1838) и министра внутренних дел (1831–1838). Он входил в число немногих наиболее осведомленных и просвещенных администраторов². При Александре II Блудов проявил себя сторонником подготовки отмены крепостного права и введения форм самоуправления – земств и мировых судов. Его влияние на земскую и судебную реформы было позитивным³.

Учитывая масштабность личности Дмитрия Николаевича Блудова, отметим, что статьи о нем в энциклопедических и справочных изданиях публиковались и продолжают публиковаться вполне заслуженно⁴.

¹ Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006; Ружицкая И. В. «Просвещенная бюрократия» (1800—1860-е гг.). М., 2009.

² Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: Автореферат дисс. д. и. н. М., 2004; Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I: Автореферат дисс. д. и. н. М., 2011.

³ Горская Н. И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX в. (конец 50-х – конец 80-х гг.): Автореферат дисс. д. и. н. М., 2009.

⁴ Щукарева Л. Блудов. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 2. М., 1992. С. 300–301; *Б.А.*

Однако специальных работ, посвященных всестороннему анализу личности и деятельности Блудова, после издания в 1866 г. (и переиздания в 1871 г.) работы Егора Петровича Ковалевского – первого прижизненного биографа и друга Блудова⁵ – пока не появилось.

Первый биограф Блудова – Е. П. Ковалевский (1809 или 1811–1868) – был выдающейся личностью: гордость отечественной науки и дипломатии, выпускник философского отделения Харьковского университета, востоковед, горный инженер, дипломат и путешественник, писатель. Он работал в Черногории и участвовал в Хивинском походе, вел геологические исследования в северо-восточной Африке, обогатил представления русских о Монголии и Китае. Благодаря

Ковалевскому был успешно заключен Кульджинский торговый трактат – договор 1851 г. между Россией и Китаем, содействовавший развитию торговли России с западным Китаем. Ковалевский участвовал в Крымской войне (1853–1855), собрал материалы об осаде Севастополя англо-французскими войсками. После войны он был директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1856–1861), одновременно был помощником председателя Императорского географического общества (1856–1862), членом-корреспондентом (1856), а с 1857 г. – почетным членом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. С 1861 г. Ковалевский стал сенатором и членом совета МИДа. А еще он стал первым председателем Литературного фонда (1859).

Работа этого замечательного человека⁶ – «Граф Блудов и его время (Царствование Александра I)» остается единственным трудом, специально посвященным Дмитрию Николаевичу Блудову⁷. Начатая Ковалевским еще при жизни Блудова, книга была завершена и опубликована спустя два года после смерти Дмитрия Николаевича и за два года до кончины самого Ковалевского. Вторым изданием книга вышла через несколько лет после смерти ее автора.

Основным принципом жизнеописания личности Блудова для Ковалевского являлось обязательное рассмотрение условий жизни своего героя, его общественных связей, современного ему общества, «увлечений его среды». «Если время и общество, – считал Ковалевский, – доставляют необходимый материал для обрисовки известной личности, то и биография ее во многом дополняет описание самого общества, особенно если это такая личность, как граф Блудов, которого всесторонняя деятельность обнимала собою более полувека, а необыкновенная его память служила важным пособием и уразумением многих событий»⁸.

Восстанавливая и описывая этапы жизни и деятельности Д. Н. Блудова, Ковалевский опирался на данные, полученные им из государственного архива и архива министерства иностранных дел, а также частных архивов графа Ф. В. Ростопчина и графа С. Г. Строгонова. Он внимательно прочел воспоминания Ф. Ф. Вигеля, генерала графа М. Г. Сперенгпортена⁹, В. И. Левенштерна, И. И. Дмитриева, князя А. И. Чернышева и других известных людей, знавших Блудова. По свидетельству самого Ковалевского, источниками жизнеописания графа Блудова ему служили «оставшиеся после смерти его бумаги, сведения, доставленные его семейством и близкими к нему людьми». Источником стали и собственные воспоминания Ковалевского¹⁰.

Блудов. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением Предс. ИРИО А. А. Половцова. «Бетанкур-Бякстер». СПб., 1908. С. 94–98. Репринтное воспроизведение издания. М., АСПЕКТ-ПРЕСС, 1995; *Акульшин П. И.* Блудов. – Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 244–245; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Био-библиографический справочник. СПб., 2002. С. 89–92 и др.

⁵ Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб, 1871.

⁶ Егор Петрович был братом министра народного просвещения 1858–1861 гг. Евграфа Ковалевского (1790–1867) и дядей путешественника и мемуариста Павла Михайловича Ковалевского (1823–1907).

⁷ Работу Е. П. Ковалевского «Граф Блудов и его время» широко привлекают исследователи.

⁸ Цит. по: *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. М., 2009. С. 197.

⁹ Шведского военачальника и политического деятеля, перешедшего на российскую службу, первого генерал-губернатора Финляндии в 1808–1809 гг. М. Г. Сперенгпортена в России называли Егором Максимовичем Шперенгпортемом (1740–1819).

¹⁰ Цит. по: *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. С. 199.

Биограф полагал, что «только общими усилиями можно составить полную и точную биографию» Дмитрия Николаевича Блудова¹¹.

Выход в свет книги Ковалевского о Блудове стал общественным явлением, поскольку и ее автор, и его герой были известными людьми. Многие авторитетные издания («Русский инвалид», «Современное обозрение», «Литературная летопись», «Русский вестник» и др.) опубликовали рецензии¹². Помещенные в них статьи заложили основу долговременной тенденции, повлиявшей на более позднюю научную литературу.

Первые публикации о Блудове появились сразу после его смерти. Так, Михаил Осипович Коялович (1828–1891), многое сделавший для истории русского самосознания, видел в Дмитрии Николаевиче «достоинейшего русского человека» и поставил конкретную задачу перед современниками и потомками: «Русские люди, близко знающие деятельность и жизнь покойного, спешат принести ему достойную дань и определить то место, которое принадлежит этому долговечному, неутомимому деятелю»¹³.

В новейшей историографии общую характеристику Д. Н. Блудову дала Н. В. Минаева в историческом очерке, предпосланном ею к своей публикации избранных воспоминаний о М. М. Сперанском¹⁴.

Историки, писавшие на рубеже XX–XXI веков о «просвещенной бюрократии», служившей престолу более полутора веков тому назад, не обращали достаточного внимания на характеристику корневой системы этого феномена, появление которой уходит в екатерининскую эпоху, в XVIII век и развивается в первой четверти XIX в. Возможно, еще и поэтому Дмитрий Николаевич Блудов сегодня оказался забытым и малоизвестным как дипломат и практически неизвестным как переводчик важнейших международных документов Священного союза.

В жизни молодого Блудова его дипломатическая деятельность была связана с литературной. Поэтому в нашей книге подробно рассматривается его участие в литературном обществе «Арзамас». Нами был учтен опыт разработки темы литературного общества «Арзамас» современными литературоведами. В частности, представляются интересными размышления М. Л. Майофис о «модернизаторском потенциале» общества «Арзамас», а Блудова в качестве одного из его важных носителей¹⁵. Авторская оценка арзамаского модернизаторского потенциала как «огромного» видится нам преувеличенной. Свой вывод Майофис делает, исходя из присущего «многим его («Арзамаса» – И. С.) участникам (в том числе, и в силу особенностей их профессиональных занятий) напряженного взглядывания в меняющиеся очертания современности»¹⁶.

Существующая литература о Блудове фрагментарна. В тени остается начальный этап формирования личности этого «просвещенного бюрократа». В советское время на хронологическую и тематическую избирательность изучения жизни и деятельности Блудова негативно повлиял идеологический фильтр. Изучению истоков «просвещенной бюрократии» препятствовала идеологическая установка на недопустимость признания факта самой возможности существования высоко профессиональной бюрократии в управленческой элите царизма. А если явления не было, то и изучать его истоки не полагалось. Об исследовании жизни и деятельности Д. Н. Блудова, бывшего в правление «реакционного царя» Николая I министром его самых «реакционных» ведомств – внутренних дел и юстиции, не могло идти и речи.

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее в тексте: РГАЛИ), ф. 191, оп. 1, ед. хр. 2221, л. 32.

¹² РГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 2221, л. 32, 34, 67, 73, 84, 100, 101, 112.

¹³ Коялович М. О. Несколько слов о графе Дмитрии Николаевиче Блудове: Западной России на память // Шаги к обретению России. Минск, 2011. С. 429.

¹⁴ Минаева Н. В. М. М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVII – первая половина XIX веков. М., 2009.

¹⁵ Майофис М. А. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 542.

Идеологические ограничения касались изучения не только личности Блудова. Та же участь выпала другому дипломату и арзамасцу, близкому Дмитрию Николаевичу еще со времен Александра I, – Сергею Семеновичу Уварову (1786–1855)¹⁷. В советские годы Уваров стал маркером реакционности как идеолог теории официальной народности и министр народного просвещения Николая I.

Не надо удивляться, что имена основателей литературного общества «Арзамас» Блудова и Уварова игнорировались в советской историографии даже в описаниях этого общества. Так, ни Блудова, ни Уварова мы не найдем «в выстроенном М. И. Гиллельсоном¹⁸ ряду значимых и даже менее значимых участников “Арзамаса”»¹⁹.

Если же и упоминалось об их участии в «Арзамасе», то только как о досадном препятствии к преобразованию общества в радикальную политическую организацию. После вступления в 1817 г. в общество деятелей декабристского круга – Михаила Орлова, Николая Тургенева и Никиты Муравьева радикализация «Арзамаса» многим советским исследователям представлялась неизбежной²⁰.

Из числа основателей «Арзамаса» советские авторы подробно писали только о поэте Василии Андреевиче Жуковском (1783–1852). В отношении него это было справедливо.

И все же не упомянуть о дипломатах-арзамасцах было невозможно, но только в негативном плане. Выход для освещения их роли был найден, правда, в данном случае не классовый, а профессиональный и этический. Подчеркивалась чужеродность дипломатов-арзамасцев арзамасцам-литераторам. Б. В. Томашевский отмечал, что молодые чиновники, делавшие крупную карьеру: Уваров, Блудов, Дашков, Северин, претендовавшие на руководство в «Арзамасе», «не были поэтами, да и Пушкин ни с кем из них позднее не сблизился. Были они ему чужды и в Лицее (более тесные литературные отношения были у Пушкина и его ближайших друзей с Дашковым)»²¹. Заведомо давалась необъективная картина истории участия А. С. Пушкина в «Арзамасе».

Вместе с тем, нельзя не сказать, что процессы в образовании и культуре, которые шли в советское время, имели и созидательный потенциал преемственности, как с прошлым, так и с будущим. Так, в советской школе преподавалась классическая русская литература, которую в XIX в. писали дворяне и для дворян, в том числе и члены «Арзамаса». На ее изучение выделялось до пяти уроков в неделю. И дети из народа при советской власти в нашей стране получали дворянское литературное образование, обеспечивавшее фундаментальные основания высокой культуры и достижений СССР.

На рубеже XX–XXI вв. современным исследователям открылась возможность, сохраняя накопленный позитив, преодолеть очевидные идеологические «перекося», и тем самым расширить пределы достоверности в изучении исторических личностей и явлений. Пришло время и для изучения таких личностей, как Дмитрий Николаевич Блудов.

Ввиду важнейшей роли русской литературы и литературной деятельности в общественно-культурном историческом процессе России освещающие их научная историческая

¹⁷ Чиновное становление С. С. Уварова, как и Д. Н. Блудова, началось на дипломатической службе (1801–1810). Он служил в коллегии иностранных дел (1801–1806), затем в русском посольстве в Вене (1806), секретарем посольства в Париже (1809). Его интересовала древнегреческая литература и археология. Работы, написанные Уваровым по античности, были известны в Европе. С ними были знакомы И. В. фон Гете и А. фон Гумбольдт. Оба великих немца встречались с Уваровым.

¹⁸ Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977; Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины. Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986.

¹⁹ Майофис М. А. Воззвание к Европе... С. 17.

²⁰ Майофис М. А. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 17.

²¹ Томашевский Б. В. Пушкин. В 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 104.

литература и данные литературоведения требуют глубокого синтеза. И многое в этом плане делается.

Обращение литературоведов к историческому контексту позволило выявить связь между двумя, казалось бы, совершенно разными событиями внешнеполитической и общественно-культурной жизни русского общества – создания Священного союза и литературного общества «Арзамас».

К двум названным историческим событиям Блудов имел прямое отношение. Он был одним из организаторов и деятельных участников «Арзамаса». Он также был дипломатом и переводчиком основных дипломатических документов Священного союза, которые затем готовил к публикации по поручению императора Александра I. Эти документы на несколько ближайших десятилетий стали основой деятельности Священного союза после 1815 г.

В современной литературе в создании «Арзамаса» «непосредственный отклик» на заключение Священного союза увидела Майофис²², связав появление у Блудова идеи «Арзамаса» с принятием акта Священного союза. К сожалению, своей позиции автор не разъяснила. Майофис поставила еще один важный вопрос – о необходимости изучения кумиров конкретного поколения и их влияния на последующую общественно-литературную борьбу.

Кумирами поколения Д. Н. Блудова чаще всего становились представители литературного поколения, родившиеся в 1760-х гг. Это были писатели и поэты: Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, В. А. Озеров, И. А. Крылов, М. Н. Муравьев²³. Намного слабее было влияние представителей державинского поколения 1740-х гг.²⁴

В обществе «Арзамас» Майофис рассмотрела группу дипломатов: Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова, П. И. Полетику, Д. П. Северина. Ею поставлен вопрос о «системе Каподистрии» и отношении данной системы к литературному обществу «Арзамас». К сожалению, автор не вполне аргументировано включила самого И. А. Каподистрию (1776–1831) в состав членов общества. При всем его интересе к русской литературе и участии в судьбе опального А. С. Пушкина, И. А. Каподистрия не состоял членом «Арзамаса».

Поскольку Блудов являлся преданным сотрудником Каподистрии, фигура этого выдающегося греческого дипломата на русской службе нам интересна. Она является важной при реконструкции дипломатической деятельности Дмитрия Николаевича. Заметим, что в литературе имя Блудова часто не упоминается при описании важных дипломатических событий, в которых тот участвовал, тогда как статус министра иностранных дел в документах не остался незамеченным. Поэтому личность Каподистрии помогает рассмотрению некоторых событий. В 1813 г. он сопровождал Александра I в качестве начальника канцелярии, был послан императором в Швейцарию, чтобы убедить руководство этой страны присоединиться к союзу против Наполеона. Каподистрия проявил блестящие таланты не только в Швейцарии, но и во время Венского конгресса.

Накопленный в литературе фактический материал ценен для понимания процесса становления Блудова как государственного служащего и влиятельного государственного деятеля. Кое-что из того, у кого и чему он мог учиться и научиться, нам раскрывают очерки, характеризующие тех персон, под началом которых служил Блудов²⁵.

²² Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 9.

²³ М. Н. Муравьев, родился в 1757 г, он являлся по своей сути представителем той же генерации.

²⁴ Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 542–543.

²⁵ Кузнецова Г. А. Дипломатический дебют Александра I. Тильзитский мир; Шапкина А. Н. Полководец М. И. Кутузов и Бухарестский мир; Савельева О. А. Греческий патриот на службе России. И. А. Каподистрия и Священный союз / Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

Труды, посвященные историческим лицам из окружения Блудова, содержат информацию о круге и характере его общения. Сложились несколько, освещающих их, самостоятельных комплексов литературы.

О родственниках Блудова – Г. Р. Державине²⁶ и В. А. Озерове и о его сослуживцах по Московскому архиву – Ф. Ф. Вигеле²⁷, А. И. Тургеневе, Д. В. Дашкове. Много писалось о близких Блудову поэтах – В. А. Жуковском и П. А. Вяземском, а также представителях старшего поколения – поэте и государственном деятеле И. И. Дмитриеве, Н. М. Карамзине, А. Н. Оленине.

Исследование младшего современника Блудова Я. К. Грота «Жизнь Державина» (автор хорошо знал Блудова и беседовал с ним), показывает необходимость продолжения разработки генеалогических вопросов, а также изучения сменявших друг друга поколений, выявления отличий и нитей преемственности между ними.

Грот рассмотрел родственные связи Блудовых и Державиных. Он показал отношение Г. Р. Державина (представителя поколения 1740-х гг.) к творчеству своего дальнего родственника – «шестидесятника» В. А. Озерова. Отметим, что изучение личности в более широком контексте рассмотрения поколения, к которому она принадлежала, не снимает с повестки дня необходимости анализа индивидуальности, а также форм и способов ее проявления. Грот показал серьезные отличия в отношении к Н. М. Карамзину, которые были в позициях Г. Р. Державина и А. С. Шишкова. Обычно они нивелируются при рассмотрении истории отношений двух литературных обществ – «Беседы любителей русского слова» и «Арзамаса».

Заслуживает безусловного внимания опыт изучения в научной литературе традиционных семейных укладов. Он открывает возможность опосредованно, через морально-этические установки понять специфику корпоративных и индивидуальных представлений, «заглянуть во внутренний мир человека, исследовать его наиболее интимную и скрытую сторону жизни». Изучение бытовой и личной сторон жизни Блудова помогает определить этапы становления этого государственного деятеля и дать им содержательную характеристику²⁸.

Глубокий вклад в изучение бытового поведения дворян как «особого рода семиотической системы» внес Ю. М. Лотман. Он показал, что в русской культуре XVIII в. «определенные формы обычной, каждодневной деятельности были сознательно ориентированы на нормы и законы художественных текстов и переживались непосредственно эстетически»²⁹. Лотман исследовал природу тех оценочных моментов, которые русский человек давал социокультурным и бытовым явлениям русской жизни в условиях набиравшей силу европеизации.

В изучении отрочества и юности Блудова полезно наблюдение Лотмана о том, что «... вопреки распространенному мнению европеизация *акцентировала*, а не стирала неевропейские черты быта, ибо для того, чтобы ощущать собственное поведение как иностранное, надо было не быть иностранцем...»³⁰

Переживаемая русским дворянством европеизация вносила в его сознание серьезные изменения. По мнению Лотмана, их изучению помогает анализ восприятия в культуре «своего» и «чужого». Ученый обратил внимание на то, что в петровскую и после петровскую эпоху,

²⁶ Михайлов О. Н. Державин. М., 1977.

²⁷ Штрайх С. Я. Историко-литературный очерк о Вигеле / Вигель. Записки. М., 2000. Впервые данная публикация вышла в 1928 г., завершив работу, начатую до революции издателем «Русского Архива» П. И. Бартеневым. Штрайх показал характер служебных и личных отношений Вигеля и Блудова, а также их роль в литературном процессе, в частности, отдельных событиях, связанных с именем А. С. Пушкина.

²⁸ Савицкая И. С. Жизненные обстоятельства Д. Н. Блудова и начало его дипломатической деятельности. В сб.: Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей. Материалы XXII Международной научной конференции Санкт-Петербург, 17–18 декабря 2007 г. ч. 2. СПб., 2007. С. 11.

²⁹ Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 248.

³⁰ Лотман Ю. М. Избранные статьи... Т. 1. С. 250.

«чужое, иностранное приобретает характер нормы. Правильно вести себя – это вести себя по-иностранному, т. е. некоторым искусственным образом, в соответствии с нормами чужой жизни»³¹.

К началу XIX в., то есть ко времени вступления Блудова на государственную *службу*, взаимодействие встретившихся на русской земле противоположностей: традиций отечественной и западноевропейской жизни – уже имело «стаж» и выработало у дворянского сословия некую привычку. Произошла известная локализация западноевропейского воздействия при осознанном определении допустимых границ европеизации, а также адаптация ее определенных проявлений к русским условиям и как следствие постановка вопроса о национальной идентичности в условиях встречи русской и западноевропейской культур.

Бытовое поведение изучается в литературе как историко-психологическая категория, которая позволяет определить «границы бытового поведения» и выделить момент, когда, переставая быть таковым, это поведение «получает высокий этико-политический статус»³².

При рассмотрении повседневной жизни Блудова в период его службы в Московском архиве Коллегии иностранных дел и анализе привнесенных в его жизнь интеллектуальных перемен благодаря общению с «архивными юношами» братьями Тургеневыми и В. А. Жуковским полезны работы М. Я. Бессараб и В. Н. Осокина³³.

Пониманию изменений, происходивших в сознании Блудова и его ближайшего окружения, может пригодиться понятие «проницаемости национальной языковой системы», предложенное В. Г. Костомаровым. Оно характеризует качественные изменения, происходящие в языке на сравнительно коротких отрезках времени. Вывод автора о том, что язык неизбежно «приводится к большему соответствию с нуждами и мышления и общения»³⁴, применим в изучении эволюции общественного и индивидуального сознания. Также заслуживает внимания костомаровское определение «сдвига», с помощью которого могут выявляться рубежи в процессе взаимодействия культур, набравшего силу в первой четверти XIX в.

Эволюцию повседневной культуры среды московского дворянства, в которой прошли отроческие годы Блудова, исследовала М. В. Короткова³⁵.

Проблема взаимодействия отечественной и западноевропейской культур, традиционно представленная в отечественной историографии, в настоящее время решается при помощи дифференциации понятий «влияние» и «общение».

«Влияние» рассматривается как осознание превосходства иной среды или культуры, влияющей на отечественную культуру и жизнь, и как следствие признания необходимости учиться у другой культуры, нравственно ей подчиняться, заимствуя не только житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения.

Тогда как под «общением» понимается знакомство с западноевропейскими странами и их культурой в процессе ведения с ними дипломатических и торговых дел, заимствования плодов просвещения, приглашения к себе иностранных художников, врачей, военных, при сохранении ментального ядра и признания национальной духовной независимости как неперменной ценности.

³¹ Там же. С.249.

³² Там же. С. 305.

³³ Бессараб М. Я. Жуковский. Книга о великом русском поэте. М., 1975; Осокин В. Н. Его стихов пленительная сладость. В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М., 1984.

³⁴ Костомаров В. Г. Жизнь языка: От вятичей до москвичей. М., 1994. С. 12.

³⁵ Короткова М. В. Семья, детство и образование в повседневной культуре московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв. М., 2009; Она же. Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII – первой половины XIX века. М., 2008; Она же. Повседневная жизнь и досуг московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв. М., 2007; Она же. Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. д. и.н. М., 2009.

Русская культура первой четверти XIX в. находилась на высокой стадии развития и переживала «золотой век». Она обладала запасом прочности и способностью перерабатывать иностранные заимствования применительно к русской почве. Активно воспринимая элементы западной культуры в XVIII в. и начале XIX в., русская культура от этого не могла измениться и не меняла своей природы. Некоего единого влияния «западноевропейской культуры» просто не существовало. Поэтому в современной литературе западноевропейская культура анализируется в ее конкретных национальных проявлениях³⁶.

Проблема мультикультурных влияний и их взаимодействия имеет прямое отношение к изучению личности Блудова, в 1812–1822 гг. жившего в Швеции, Франции и Англии и испытывавшего воздействие культуры этих стран.

В современной литературе показано, что процесс европеизации русского дворянства и конкретное отражение его отношения к поступающему в Россию зарубежному «продукту» (идейному, художественному, бытовому или др.) затрагивал историю конкретной семьи, брака, семейных и родственных отношений. На этом основании подчеркивается, что история семьи помогает пониманию объективных, «малоподвижных, чуждых стремительным изменениям, базисных структур человеческого и общественного бытия»³⁷.

Поскольку государственная деятельность Блудова, как и других отечественных «просвещенных бюрократов», начиналась в исторических условиях александровского царствования, необходимой историографической составляющей настоящей книги стала научная литература, написанная об императоре в дореволюционный*, советский** и постсоветский*** периоды. Особенно важны исследования истории внешней политики России первой четверти XIX в., посвященные государственным преобразованиям и государственным деятелям³⁸.

Среди работ, освещающих вопросы, к решению которых в той или иной форме был причастен Блудов, выделим исследования, посвященные изучению характера Священного союза и личности императора Александра I. Он руководил отечественной дипломатией и давал непосредственные поручения Блудову.

В дореволюционной литературе александровская идея Священного союза рассматривалась как идеал международного права, который русский император предложил европейскому сообществу³⁹.

Так, В. К. Надлер проанализировал усилия русской дипломатии во главе с Александром I по правовой и практической реализации этой идеи в Европе и борьбу, небескорыстное противодействие этой идее, а также русскому влиянию со стороны австрийской дипломатии и ее лидера К. фон Меттерниха.

Историк Русского зарубежья Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) исследовал природу обвинений России со стороны либеральных и радикальных отечественных и зарубежных авторов в ее якобы «предосудительной» политике в качестве «жандарма Европы»⁴⁰.

³⁶ Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982; Литвинов С. В. Англomania в России как социокультурное явление, последняя четверть XVIII–середина XIX вв.: Автореф. дисс. канд. культурологических наук. М., 1998; *Он же*. Русско-французское двуязычие в среде российского дворянства в конце XVIII – начале XIX вв. (Историко-культурный аспект.) // Язык и общество. Материалы 4-й Международной научной конференции. М., 2006. Т. 1; *Он же*. Историческая динамика взаимодействия русской культуры с культурами стран Западной Европы (середина XVI – середина XIX вв.). М., 2008; *Он же*. Борьба идей по вопросу взаимодействия культур в русской общественной мысли и публицистике в первой половине XIX в. // Культура и общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Московский гос. ун-т культуры и искусств. Электрон. журн. М., МГУКИ, 2008. № гос. регистрации 0420600016. Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2008/Litvinov.pdf>, свободный и др.

³⁷ Брандт М. Ю. Семья: «маленькое зеркало большого общества». В кн.: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 3.

³⁸ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. Внешняя политика России. Историография. М., 1988.

³⁹ Надлер В. К. Император Александр I и Идея Священного Союза. Т. 5. Рига, 1892.

⁴⁰ Спекторский Е. В. Принципы европейской политики России в XIX и XX веках / Историки-эмигранты. Вопросы русской

Спекторский вскрыл источники и природу нападков на Россию ее недоброжелателей⁴¹. Проанализировав линию дипломатии Александра I на введение конституционных порядков в Европе, он показал ее последовательность и либеральный характер. Как всегда, нападки на Россию были традиционно несправедливыми и политически заданными.

В советской литературе характер Священного союза определялся как реакционный монархический союз России, Пруссии и Австрии, а также как «сплоченная организация с резко очерченной клерикально-монархической идеологией, созданной на основе подавления революционного духа и политического, и религиозного свободомыслия». Она, в соответствии с этой концепцией, оформилась в определенных идеологических условиях, которые характеризовались классовым неприятием царизмом всего прогрессивного, в том числе и во внешней политике.

Генеральную линию советской историографии 1920-х гг. определил сборник статей М. Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии»⁴². Покровский симпатизировал Наполеону и давал враждебные оценки и характеристики Александру I и русской армии, руководствуясь принципом, чем хуже для внешней политики царизма, тем лучше для революции. Ранняя советская историография восприняла апологию Наполеона у французской историографии, прежде всего у А. Тьера, который рассматривал французского императора как защитника нового буржуазного порядка, а также А. Сореля, писавшего о борьбе двух начал: консервативного (антифранцузская коалиция) и революционного (главным выразителем которой был Наполеон).

В современной литературе Священному союзу даются полярные оценки. Одни авторы усматривают в Священном союзе первую в европейской истории попытку объединения человечества, «своеобразный прообраз Лиги Наций и ООН»⁴³.

Другие не приемлют⁴⁴ позиции, согласно которой Священный союз явился системой «мирного сосуществования народов, основанной на «нравственных заветах христианства»⁴⁵. Так, Н. А. Троицкий выступил против того, чтобы «иные из постсоветских историков усматривали в «доктрине священного Союза» «благородство» и «высокий гуманистический пафос», адресуя свою критику, в частности, В. В. Дегоеву⁴⁶.

В настоящее время продолжается дискуссия о том, позволила ли венская система надолго сохранить прочный мир в Европе, и может ли она послужить примером для договоренностей, которые обеспечат стабильность на планете⁴⁷.

В прямой связи с изменениями оценок Священного союза в современной историографии, особенно в период основания союза и деятельности в нем Александра I, наблюдается переоценка роли самого императора во внешней политике и победе Российской империи над Наполеоном, а также роли русской дипломатии.

Продолжается развитие темы дипломатической победы Александра I над Наполеоном и раскрытие ее причин. Эти сюжеты с 1960-х гг. разрабатывал В. Г. Сироткин⁴⁸. В работе «Напо-

истории в работах 20-х-30-х годов. М., 2002. С. 183.

⁴¹ Там же. С. 185–187.

⁴² Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии / Сб. статей. М., 1923.

⁴³ Бержин А. Молчание старца, или как Александр Первый ушел с престола. М., 2007. С. 276–277.

⁴⁴ Троицкий Н. А. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: смысл, цели характер. Военная история. 2004. № 12. *Он же*. Россия во главе Священного союза: Коалиционные войны 1813–1815 гг. http://scepsis.ru/library/id_1433.html

⁴⁵ Безотосный В. М. Два императора // Родина. 2002. № 8. С. 9; Безотосный В. М., Смирнов А. А. Русская армия 1812–1814 гг. М., 1999. С. 7.

⁴⁶ См.: Дегоев В. В. Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 131.

⁴⁷ Яковлева Г. В. Венский конгресс 1814–1815 гг. в российской прессе, воспоминаниях и переписке первой половины XIX в.: Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 3.

⁴⁸ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966.

леон и Россия»⁴⁹ он упомянул об одном из аспектов участия Блудова во внешнеполитической борьбе России – его усилиях в антинаполеоновской пропаганде.

Безусловно, на деловую атмосферу, в которой работал Блудов, влияли характерологические особенности императора Александра I, определявшего внешнеполитический курс и состав элиты своего дипломатического корпуса.

В дореволюционной литературе неприязненным оценкам, дававшимся личности Александра I историками: Николаем Карловичем Шильдером (1842–1902) и великим князем Николаем Михайловичем (1859–1919), противостояло иное мнение – историка Василия Карловича Надлера (1840–1894), который подчеркивал искренность и силу религиозных убеждений Александра I.

По мнению Надлера, эволюция религиозных взглядов императора привела его к выводу о необходимости построения международных отношений в послевоенной Европе на принципиально иных, стабильных основаниях. Почву для европейской безопасности он видел в понятных для всех европейских народов истинах Евангелия⁵⁰.

О воздействии фактора религиозности Александра I на проводимую им внешнюю политику писал швейцарский историк и политический деятель Анри Валлоттон (1891–1971)⁵¹. В новейшей исторической литературе о недооценке исторической наукой воздействия религиозных взглядов русского императора на его внешнеполитическую программу и действия размышляет Андрей Николаевич Сахаров⁵².

Противоречивые характеристики Александру I как дипломату и руководителю отечественной дипломатии, дававшиеся в дореволюционной историографии, нашли продолжение в столь же полярных оценках в советской и современной российской историографии.

В отношении личности Александра I как бы «сомкнулись» дореволюционная и советская научные линии⁵³.

В 1990—2000-е гг. набирает силу историческая «реабилитация» императора Александра I. Один из современных авторов, Н. И. Казаков пишет: «Нет, Александр I был человеком стойким и целеустремленным, хотя, возможно, перед тем, как принять окончательное решение, он и колебался в выборе наилучшего средства для достижения цели»⁵⁴.

И, тем не менее, сама личность императора Александра I и ее понимание продолжает оставаться дискуссионной проблемой. Противоречивости характеристик, данных личности Александра I В. А. Федоровым⁵⁵, которые отражают существующий спектр мнений об императоре, А. Н. Сахаров⁵⁶ противопоставил рассмотрение «глубокой, интеллектуально развитой, умной», масштабной личности выдающегося деятеля в истории России и Европы, каким был император Александр I.

Блудов, будучи исполнителем воли Александра I, действовал в рамках избранной императором дипломатической стратегии «конституционной дипломатии». На рубеже XX–XXI вв. проблема конституционализма в России, глубокое изучение которой начинается в 1980-е гг.

⁴⁹ Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М., 2000.

⁵⁰ Надлер В. К. Александр I и Идея Священного союза. Т. 5. Рига, 1892.

⁵¹ Валлоттон А. Александр I. М., 1991. Анри Валлоттон (1891–1971), швейцарский дипломат и писатель.

⁵² Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

⁵³ Некоторые их начаты до революции исследования получили продолжение в Советской России. А. Е. Пресняков еще до революции опубликовал очерк о проблемах русского самосознания, в том числе александровской эпохи. Эту тему историк развивал в 1920-е гг. В 1990 г. исследования Преснякова переиздали. См.: Пресняков А. Е. Первый опыт русского самосознания (СПб.: 1901); *Он же*. Александр I (Пг.: 1924); *Он же*. Российские самодержцы (М.: 1990).

⁵⁴ Н. И. Казаков. Послесловие. В кн.: Валлоттон А. Александр I. С. 391.

⁵⁵ Федоров В. А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1.

⁵⁶ Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

с внутренней политики в первой четверти XIX в.⁵⁷, находит свое продолжение в рассмотрении ее внешнеполитических аспектов⁵⁸.

Своеобразие периода 1815–1825 гг. в истории России справедливо подчеркнул С. В. Мироненко. Он объяснил причины недостаточного внимания историков к данному десятилетию следующим образом: «В эти годы не было осуществлено никаких крупных преобразований. Все замыслы так и остались замыслами, а проекты проектами. Видимо, поэтому внимание историков было привлечено к изучению времени, более богатого крупными преобразованиями и событиями, – второй половины XIX – начала XX в., но для историков не менее важны и неосуществленные реформы»⁵⁹.

Добавим, что Российская империя во главе с Александром I выполнила свое предназначение. Она победила Наполеона, спасла собственную государственность, на несколько десятилетий установила мир в Европе. И к этому был причастен Блудов.

Современный исследователь В. Ю. Захаров показал, что, размышляя над проблемой конституционализма в 1814–1822 гг., Александр I надеялся на его введение в Европе. Однако практика применения в Европе «конституционной дипломатии» Александром I в 1801–1820 гг. в европейских странах привела к иным результатам, чем разработка конституционных проектов внутри России⁶⁰. По мнению В. Ю. Захарова, Александр I «искренне стремился провести серьезные реформы во всех сферах жизни, воспользовавшись доктриной конституционализма». При этом им был использован конституционный опыт зарубежных стран, включая даже революционную Францию»⁶¹.

Суждение Н. В. Минаевой о том, что «передовая европейская мысль могла быть освоена только представителями господствующего класса, порывавшими со своими кастовыми интересами, или частично отказавшимися от их защиты»⁶², позволяет выявить социальный порог восприятия Блудовым современных ему западноевропейских политических идей.

Обстановку, в которой находились во Франции в 1814–1818 гг. русские дипломаты, и в их числе Блудов, а также восприятие французами России и русских рассмотрела по материалам фондов Национального Архива Франции М. В. Губина⁶³.

Дипломатические отношения между Россией и Англией в период, затрагивающий время несения Блудовым дипломатической службы в Лондоне, исследовал

А. А. Орлов⁶⁴. Интересный личностный метод изучения международных отношений и истории дипломатии, анализа вклада конкретных дипломатов предложила Н. П. Танышина. В исследовании «Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия» она показала англорусские отношения и дипломатическую роль русского посла в Лондоне в 1812–1834 гг. графа Х. А. Ливена через призму восприятия близкой к послу личности – его супруги⁶⁵.

В современных диссертационных исследованиях, рассматривающих проблемы отечественной истории второй половины XVIII – первой четверти XIX вв., показана связь государ-

⁵⁷ Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

⁵⁸ Захаров В. Ю. Эволюция абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. Ч. 1, 2. М., 2008.

⁵⁹ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 5–6.

⁶⁰ Захаров В. Ю. Эволюция абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. Ч. 1, 2. М., 2008.

⁶¹ Захаров В. Ю. Конституционная альтернатива развития России в период правления Александра I и причины ее нереализованности // Ключевские чтения – 2011. Василий Осипович Ключевский и познание русской истории. Т. 1. М., 2011. С. 149.

⁶² Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. С. 31.

⁶³ Губина М. В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 годах // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002.

⁶⁴ Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.

⁶⁵ Танышина Н. П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

ственного курса с тем социальным слоем, который в определенных условиях выдвинулся к руководству, в том числе и внешней политикой, а также отношение дворянской элиты к государственной службе⁶⁶.

В них выявлена неоднородность дворянской элиты и выделены ее основные группы. В окружении Блудова были представители: 1) из древних, титулованных знатных фамилий, традиционно служивших престолу; 2) ближайшего окружения императора (императрицы); а также 3) лиц, занимавших высокие государственные должности на военной и штатской службе и имевших влияние на решение государственных дел.

Ряд диссертаций посвящен хозяйственной деятельности помещиков⁶⁷ и характеристике социально-экономической природы дворянской усадьбы, а также ее воздействию на ментальность и сферы занятий дворянства⁶⁸.

В диссертационном исследовании Н. А. Могилевского о дипломатической и военной истории заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.⁶⁹ показана эффективность новой (Венской) системы международных отношений, заложенной Александром I, в утверждении стабильности политической безопасности Европы. Автор сделал аргументированный вывод о ведущей роли России в социально-политической модернизации Европы в 1813–1814 гг. и руководстве Александра I этим процессом.

На основании документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) Могилевский показал, что за время заграничного похода русской армии по инициативе русского императора состоялись два крупных конгресса – Пражский⁷⁰ и Шатильонский⁷¹. В них участвовали, с одной стороны, представители побеждающей шестой антинаполеоновской коалиции, а с другой, наполеоновской дипломатии. Тогда же была апробирована форма мирного решения спорных международных вопросов участниками конгрессов, которая свое дальнейшее развитие получила в 1815–1822 гг.

В свете проблемы зарождения русского консерватизма подошла к рассмотрению взглядов Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина и С. Н. Глинки Т. А. Егерев. Ее материал интересен, поскольку Н. М. Карамзин и А. С. Шишков имели непосредственное отношение к тем литературным спорам, участником которых был Блудов. К сожалению, в работе Егерева данный аспект не рассматривался. Названные персоналии интересовали автора как представители интеллектуальной элиты России начала XIX в., которые выполняли определенную функцию в системе отечественной культуры, а именно: анализировали идущие из-за границы новшества, сравнивая их с имевшимися в российском социуме традициями и нормами жизни. Центральной проблемой в их рефлексии, по мнению Егерева, был вопрос об идентичности, т. е. о выяснении национального, культурного, социального своеобразия России в кругу европейских держав⁷².

⁶⁶ Козлова А. А. Отношение элиты российского дворянства к государственной службе в период правления Екатерины II: Автореф. к. и. н. М., 2007.

⁶⁷ Фирсова О. Г. Эволюция методов хозяйственной деятельности крупных помещиков XVIII – первой половины XIX века: Автореф. дисс. к. и. н. М., 2006.

⁶⁸ Олейниченко Е. В. Социально-экономическое развитие усадьбы Кузьминки во второй половине XVIII-первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. к. и. н. М., 2003; Дубровская Е. А. Эволюция дворянской усадьбы конца XVIII-первой трети XIX вв.: Автореф. дисс. к. и. н. М., 2009.

⁶⁹ Могилевский Н. А. Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.: Автореф. Дисс. канд. ист. наук. М., 2011.

⁷⁰ Во время Пражского конгресса (12 июля – 10 августа 1813) мирные переговоры шли между Россией и Пруссией, с одной стороны, и Францией – с другой, при посредничестве Австрии.

⁷¹ С 5 февраля по 19 марта 1814 г. в разгар военных действий на территории Франции в г. Шатильон во Франции шли переговоры между представителями государств *участников* шестой антифранцузской коалиции (России, Австрии, Пруссии, Великобритании) и Францией.

⁷² Егерев Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX веков (на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина): Автореф. дисс. к. и. н. М., 2011; *Онаже*.

Особое значение имеют наблюдения филологов по поводу официально-делового стиля. В свое время В. В. Виноградов⁷³ в изучении официально-делового стиля опирался на язык художественной литературы. Он полагал, что национальная литература – это «единственная всеобщая сфера письменного выражения, которая объединяет носителей всех существующих в данном синхронном срезе функционально-речевых стилей, то есть членов социума, в своей повседневной практике пользующихся одним из них <...>, объединяет их как людей, обращающихся к главному источнику духовной культуры нации, соединяет их как читателей»⁷⁴.

В лице Блудова оказались совмещенными навыки и знания русской и французского литературы, а также официально-делового стиля, поэтому написанные им дипломатические документы и переводы были столь высокого уровня.

В современной литературе отмечается, что деловой стиль, предопределивший во многом языковую реформу Карамзина, обладал особой значимостью для русского литературного языка XVIII–XIX вв.⁷⁵ А. П. Романенко особо выделяет канцелярский стиль, он был уже в XIX в. достаточно сложен и разработан, что «не могло не проявиться в последующей истории литературного языка и словесности»⁷⁶.

Литература, написанная о Блудове, условиях его жизни и деятельности, свидетельствует о параллельном существовании в настоящее время нескольких комплексов литературы и необходимости их осмысления. Речь идет о комплексе работ, в той или иной мере освещающих личность и деятельность Блудова и обстоятельства его жизни; а также исследованиях, характеризующих историческую эпоху, в которой действовал наш герой, и кроме того, работы историков и филологов, хранящие полезные подходы-ключи методического, методологического и источниковедческого характера.

Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2014.

⁷³ Подробнее см.: Виноградов В. В. Избранные труды. М., 2003; Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978; Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990; Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958; Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 2005; Виноградов В. В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи (На материале русской литературы). М., 1958; Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 2005; Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959; Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 2002; Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967; Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1999.

⁷⁴ Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 340.

⁷⁵ Романенко А. П. Образ ратора в советской словесной культуре: Учеб. пособие. М., 2003. С. 9.

⁷⁶ Там же. С. 10.

Глава 1

Формирование личности Дмитрия Николаевича Блудова

§ 1. Род, семья и воспитание Д. И. Блудова. Его возмужание

Дмитрий Николаевич Блудов был типичным представителем русского служилого дворянства конца XVIII – начала XIX вв. Его появление на свет состоялось в родовом «гнезде», селе Романово Шуйского уезда Владимирской губернии. Выполняя волю матери после ее смерти в 1807 г., Д. Н. Блудов, передал родовое село Романово ее сестре – Писемской (урожденной Тишиной). Сына Писемской, своего двоюродного брата, Блудов представил членам литературного общества «Арзамас» в 1817 г.

Для понимания отношения Блудова к родовому поместью и правившей династии Романовых представляется важным указание его прижизненного биографа Е. П. Ковалевского на то, что это село было пожаловано Назарию Беркуту Блудову первым царем дома Романовых Михаилом Федоровичем за участие того в походе Дмитрия Пожарского⁷⁷.

Заметим, что в статье «Блудовы», помещенной в энциклопедическом справочнике Брокгауза и Ефрона, сподвижником Д. И. Пожарского назван не Назарий, а Никита Васильевич. Речь, однако, идет об одном и том же человеке по «прозванию Беркут». Он был «в числе воевод сподвижников Минина и Пожарского в деле избавления России от поляков и получил от царя Михаила Федоровича в суздальском уезде вотчину в память царской милости названную «Романово». Отец Никиты – Василий Блудов – был связан с Шуей, где в 1576 г. он был городовым приказчиком.

В «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова все же назван Назарий Беркут, который «начальствовал над отрядом в рати князя Пожарского, подписал известный договор между князьями Пожарским и Трубецким и пожалован был от царя Михаила поместьем, в котором впоследствии родился Дмитрий Николаевич Блудов»⁷⁸

⁷⁷ Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 9.

⁷⁸ Русский биографический словарь. Бетанкур-Бякстер. Издан под наблюдением председателя ИРИО А. А. Половцова. СПб., 1908. С. 98.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.